

Едва коснувшись, Чао Минь отстранился, перевернулся и соскочил с кровати. С мрачным лицом он направился к выходу. Он не только чувствовал дрожь в сердце — его пальцы тоже тряслись. Больше он не мог обманывать себя. Внезапно возникшее и необъяснимое чувство давило на него, вызывая всё большее раздражение.

А Е Юй открыл глаза лишь спустя некоторое время после ухода Чао Миня, с видом только что проснувшегося человека. Даже при всей его беспечности во сне он сохранял лёгкую, едва уловимую настороженность. В конце концов, после стольких попыток расправы было невозможно спать слишком крепко.

Возможно, благодаря принципам Искусства бамбукового меча, успокаивающим ум и тело, он смог заснуть в расслабленном состоянии, сохраняя ровное сердцебиение и удивительную ясность сознания.

И вот, только что... это случилось.

Е Юй с изумлением уставился на пустую сторону кровати — малыш неизвестно куда пропал. Смущённо он потрогал свои губы, и странное ощущение от этого прикосновения заставило его спину напрячься.

Неужели этот малыш поддался влиянию эротических картинок?

Е Юй заподозрил, что, возможно, он слишком чувствителен, и всё это лишь иллюзия. Вдруг малыш просто вытер ему губы, потому что он пускал слюни во сне.

Вспомнив о слюнях, он снова провёл тыльной стороной руки по уголку рта. Затем он задумчиво уставился на узоры на пологе кровати над собой. Изысканные до предела орнаменты были идеально вплетены в гладкую ткань, и из-за того, что он во сне откинул один край полога, холодный белый свет мягко струился по этим узорам, создавая причудливые картины в его глазах.

Смотря на это, ему снова захотелось спать. Но, вспомнив о малыше, который среди ночи ушёл то ли в туалет, то ли разбираться со своими сомнениями, он с неохотой снова поднялся.

В этом незнакомом месте нельзя было позволять ему бродить где попало.

Быть нянькой — тяжкий труд.

Е Юй очень хотел надеть обувь, но, осмотрев пол, не нашёл ни одной пары. Тот, кто его переодевал, видимо, мечтал, чтобы он стал растением, которое никогда не встанет с постели.

И куда делась его старая одежда? Меч Зелёного Бамбука, упавший в воду, наверное, уже не вернуть, но что насчёт серебряных банкнот, зашитых в одежду? Это было его последнее

имущество в этом мире. Неужели их выбросили?

В этом мире без денег даже поесть не получится.

Е Юй босиком, с пустотой в душе, поплыл вперёд. Незнающий человек мог бы подумать, что в ночи проскользнуло какое-то привидение. Выйдя за дверь, он увидел, что лунный свет во дворе был ярок как дневной, он падал на деревянные решётчатые окна, создавая ощущение классической, сдержанной красоты.

Цветы на старой груше тихо покачивались, всё дерево было усыпано инеем.

С тех пор как он попал в этот мир, он почти каждый день был занят бегством. Самым спокойным днём оказался тот, когда он только переселился: он не знал о Талисмане клятвы, не знал, кто такой Чао Минь, не говоря уже о том, что за ним гнался убийца с маниакальной энергией.

Школа Дунсянь находилась в глубине бамбуковой рощи, дома были построены на сваях из бамбука, и куда ни глянь — везде зелёный бамбук. Это было уникально, но не незаменимо. В конце концов, даже в современном мире есть народы, которые строят дома на сваях из бамбука.

Когда он выбрался из бамбуковой рощи и попал в городок Нань, то был поражён изысканной древней красотой. Но последующие дни прошли в бесконечной спешке, и он так и не остановился, чтобы осмотреть эту неизвестную эпоху, этот мир.

Е Юй чувствовал, что такая жизнь совершенно бессмысленна. Постоянно жить в страхе и напряжении — верный способ сойти в могилу раньше времени.

Он потрогал свой живот. Если бы эта штука внутри исчезла, он бы тут же рванул в глухие леса и больше никогда не вышел.

Что касается малыша — это была настоящая головная боль.

Выйдя за дверь, Е Юй не сразу смог найти, куда тот убежал. В этом незнакомом захолустье, если он потеряется, где его искать?

Покинув двор, он обнаружил ещё одно здание, в котором не было света, и оно выглядело жутко. Е Юй поспешил дальше, увидел, что ворота открыты, и естественным образом вышел.

Едва ступив за порог, он увидел длинный высокий деревянный мост. Мост был тёмно-коричневым, гладким и блестящим. Под ним зияла глубокая пропасть, в ночи чёрная и бездонная, как пасть чудовища. Только сейчас он понял, что его жилище находится на вершине скалы высотой в сотню метров.

В этом мире, где техника так неразвита, как они смогли построить дом в таком месте? Если случится оползень, они, вероятно, не будут раздавлены, а просто сорвутся в пропасть и погибнут.

Е Юй осторожно прошёл по мосту и обнаружил, что на другой стороне начинается извилистая галерея, соединяющая беседки. Она петляла, уходя за горизонт, соединяя бесчисленные ущелья и потоки, напоминая миниатюрную Великую Китайскую стену, — невероятно величественное зрелище.

Под карнизом галереи через равные промежутки висели изысканные фонари, а лунный свет, словно иней, покрывал землю, создавая жуткую, белоснежную тишину.

Е Юй попробовал позвать Сяомина, но, кроме эха, никто не откликнулся. Глядя на извилистую галерею впереди, он задумался, не спит ли он снова. Но след от укуса на руке всё ещё ныл. Или, возможно, это был загробный мир, и он уже давно умер, а боль — лишь остаточное ощущение от жизни.

Последствия просмотра фильмов ужасов. С невозмутимым видом Е Юй пошёл вперёд, решив не пугать себя, и продолжил поиски малыша. Пустынный коридор, молчаливые жёлтые фонари и лунный свет, проникающий снаружи, создавали мрачную и насыщенную картину.

Е Юй, скрестив руки на груди, с пустым взглядом шёл вперёд, как призрак, одинокий и несчастный.

Он всё ещё думал, что спит. Разница лишь в том, что раньше ему снилось, как он блуждает в пещере, а теперь — как идёт по галерее. Эта галерея была слишком длинной и извилистой, он уже начал в ней путаться.

Внезапно его шаг замедлился — он на что-то наступил. Наклонившись, он увидел лист бумаги, поднял его и разглядел на нём иероглифы.

Почерк был очень красивым. Е Юй, используя свои скудные познания, быстро пробежался глазами. На листе был... буддийский текст?

Пройдя ещё несколько шагов, он обнаружил, что бумаг становилось всё больше, они валялись повсюду.

Е Юй, держа в руках несколько листов с буддийскими текстами, пошёл вперёд и, свернув за угол, увидел, что перед ним открылась беседка. В беседке стоял низкий стол, за которым, спиной к нему, сидел человек, держа в руке кисть и что-то выводил.

Его волосы были очень длинными, и из-за того, что он сидел, они касались пола. Е Юй никогда не видел таких чёрных, мягких и блестящих волос. Поскольку человек сидел спиной, Е Юй

видел лишь его спину, но даже просто этот вид — длинные волосы, касающиеся пола, одежда, лежащая на бумаге, — создавал изысканную картину.

Беседка, буддийские тексты, пишущий их мужчина.

Тишина и спокойствие, окутанные лунным светом.

Чао Минь знал, что Е Юй стоит за его спиной. Его демоническое искажение обострилось, и он почти не мог себя контролировать. Единственное, что он мог сделать, — это начать вкладывать истинную энергию, выводя иероглиф за иероглифом успокаивающие ум и сердце сутры.

Невыразимое желание, не находившее выхода, заставляло вены на его руке, сжимающей кисть, выпирать, а глаза горели красным. Сила Золотого лотоса, протекающая по его меридианам, была невероятно мощной. Его путь в боевых искусствах отличался от других. Он был самоучкой, полагался на невероятный талант и проницательность, чтобы проникать в различные школы и изучать их техники. Это позволило ему успешно объединить лучшее из каждой школы, но также привело к немалым побочным эффектам.

Слишком много знаний, слишком много демонических искажений. Он был бесчувственным и бессердечным, и все эти скрытые побочные эффекты не могли ему помешать. Но Е Юй заставил его почти потерять контроль. Демоническое искажение, которое он всегда игнорировал, воспользовалось этой возможностью и начало бушевать внутри него.

Одно чувство — и демоническое искажение возникает.

Со своей гордостью Чао Минь не мог смириться с тем, что может впасть в состояние безумия, которое не сможет контролировать.

Итак... он подавлял его, иероглиф за иероглифом.

Каждый удар кисти был подобен удару ножа, бумага рвалась в порошок, смешиваясь с чернилами, создавая хаос, от которого у Чао Миня потемнело в глазах, а грудь сжалась.

Е Юй и не подозревал, что Чао Минь был на грани потери контроля. Он наконец увидел человека и начал сомневаться: тот ли это, кто его спас, или же это очередной убийца, охотящийся на «Е Юя».

Теперь он видел в каждом потенциального убийцу. Виновато общество.

Е Юй постоял некоторое время, прежде чем нерешительно нарушил гнетущую тишину:

— Прошу прощения, уважаемый?

<http://bllate.org/book/15304/1352606>